

A photograph of a coastal scene. In the foreground, there is a rocky beach with dark, wet stones. The ocean is blue with white foam from a wave breaking. In the middle ground, a wooden pier extends into the water, with a small lighthouse on its end. The sky is blue with scattered white clouds. The text 'ВОЛНЫ' is written in large, bold, red letters across the middle of the image, and 'никolай кошкин' is written in smaller, white, italicized letters below it.

ВОЛНЫ

никolай кошкин

Николай Кошкин

Волны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70363177

SelfPub; 2025

Аннотация

Лирическая повесть о памяти, любви и возвращении. Через стихи, письма и картины главный герой собирает себя заново, проживая потери и встречая тех, кто когда-то был рядом. Это история о том, как прошлое остаётся с нами – в людях, голосах и бесконечном шуме прибоя.

Содержание

Пролог	5
Часть I. Глава 1. Моменты.	6
Глава 2. Прибой.	13
Глава 3. Рана.	21
Глава 4. Прощание.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Кошкин

Волны

Ты до сих пор гуляешь по моим ладоням.

Пролог

Я пришёл в себя под шум волн безымянного моря. Смерть снова миновала меня. Провёл ладонью по шершавой гранитной скале. Медленно поднялся на ноги. Солнце высоко стояло над горизонтом, а море, обласканное его лучами, мирно покачивалось из стороны в сторону. Я обернулся, но всё, что смог разглядеть – это прижатые друг к другу тонкие стволы берёз, которые обступили берег. Ветви деревьев напоминали молнии, разбегающиеся по серому небу.

Где-то вдалеке тоненькая фигура неторопливо двигалась в мою сторону. Ветер трепал ей волосы, а вода едва-едва облизывала голые ноги. Я не шевелился, ожидая, когда она приблизится. И пока её шаги отсчитывали удары моего сердца, память постепенно начала возвращаться. Я вспомнил детство, вспомнил то время, когда обретается и теряется всё самое важное.

Часть I. Глава 1. Моменты.

*и даже когда тебя нет
ты ближе всего
чего можно коснуться*

Мама приложила замороженный кусок мяса к моей обожженной ноге. Я поморщился, но не издал ни звука.

– У тебя родинка в глазу, ты ведь помнишь? – сказала она. – Родинка в глазу – это к счастью.

Я представил себе всё счастье, какое способен вместить. Посмотрел на её длинные русые волосы, на опрокинутый чайник, на воду на полу, на свою ногу, на кусок мяса, который она в этот момент перевернула, на огромные напольные часы, в которых можно было спрятаться, на стол, где лежала книжка о Гагарине, на новенький телевизор и видеомagneфон, снова на её волосы, снова на свою ногу... Эта родинка в глазу в моём детском сознании превратилась в сверхмассивную чёрную дыру, мимо которой не то что счастье, но даже свет не смог бы пролететь.

Моя комната – пустая белая коробка с кроватью где-то в углу. Память не удержала ни одной детали, ни одного фрагмента, за который можно было бы зацепиться. А всё потому, что комната меня тогда не интересовала. Сколько мне было? Лет пять, не больше.

Я любил гулять во дворе, играть с соседскими ребятами или сидеть на кухне, где стоял телевизор. Потом мы уехали из этой квартиры, потом был новый город, новая комната, новые люди, и я больше никогда не возвращался туда. Но даже сейчас я могу начертить план той квартиры. Я помню, где располагалась входная дверь, где был коридор, где кухня, и куда выходили окна. Могу представить, как, выглядывая в одно из них, я осматриваю двор со второго этажа так, будто только вчера его видел, а ведь меня не было там чёрт знает сколько лет.

Двор был одной огромной песочницей между нашим и соседским домом. Слева – бетонная плита с канализационным люком, справа – спуск через редкие деревья вниз, к дороге, ведущей в местную школу, в которую я не ходил, так как уехал оттуда ещё до того, как мне исполнилось шесть.

Там когда-то училась мама. Есть несколько старых снимков, которые мне очень нравятся. На них она запечатлена на каком-то празднике возле этой самой школы. У неё за спиной транспаранты, воздушные шарики, какие-то люди. А по её беспокойному взгляду можно понять, что она пытается уловить момент, когда щёлкнет затвор и можно будет расслабиться.

В этом воспоминании она младше нынешнего меня, но тогда мама казалась мне недостижимо взрослой, что, однако,

не мешало мне видеть в ней своего друга. Мы придумывали себе самые разные развлечения: гуляли с её подругой, смотрели телевизор, ходили к бабушке, мастерили себе костюмы на новый год. Она, к слову, часто вязала.

***

Что-то острое и металлическое мелькнуло перед глазами. *Ты сбиваешь меня*, зазвучал откуда-то издалека голос. *Раз петелька, два петелька, три...* И вот я уже перед зеркалом в новом свитере. И, кажется, нет на свете свитера лучше. Подсчёт петелек продолжился, на подходе ещё шарф. А затем носки, шапка. Почему бы и нет? Ни от чего не откажусь.

Я потянул её за рукав, где-то в облаках в этот момент пропал самолёт, я снова потянул её:

– *Мы поженимся, когда я вырасту?*

Она засмеялась, убрала волосы за ухо, отложила спицы, куда-то ушла. Я болтал ногами, сидя на высоком стуле. Кроме нас в квартире никого. Во всём мире кроме нас никого. Тёмное страшное пятно, которое когда-то плавало по моей комнате, больше не вернётся. Мы вдвоём. И нам очень хорошо вдвоём. Разве хоть с кем-то маме может быть лучше, чем со мной? Придётся нам всё-таки пожениться.

Затем наступало время ложиться спать. В комнате крошечная тьма, но мне не было страшно. Мне снились полёты, звёзды, планеты, космические корабли и пришельцы из да-

лёких галактик. А утром, после завтрака, я шёл к бабушке. Она уводила меня на свой огород, где я рвал крыжовник и бегал по огромным полям, представляя себя как минимум звездолётом...

«Огромные поля» теперь не такие уж огромные. Крыжовник давно не растёт, да и огорода бабушкиного нет. Есть ли там вообще огороды? Мне интересно, как образ старого мира, сохранившийся лишь в воспоминаниях, накладывается серой плёнкой на реальность перед глазами. Воспоминания сейчас куда больше того пространства, где они зародились. А ведь многое стёрлось, исчезло, растворилось во времени, но то, что осталось, теперь не вмещается никуда. Там, где когда-то был целый мир, теперь всего лишь крошечный двор полный песка.

Там мы с тобой никогда не были.

Но были другие. Как же их звали? Передо мной возникли тысячи имён, я протянул руку и вытащил два: Маша и Глеб. Пусть будут Маша и Глеб.

Глеб жил далеко, а вот Маша – в соседнем доме. А её бабушка, у которой она часто гостила, жила прямо над моей бабушкой, где часто бывал я. Поэтому так сложилось, что мы постоянно ходили друг к другу в гости и со временем стали просто не разлей вода.

Других детей словно бы и не было. Весь песочный двор

принадлежал лишь нам одним. А помимо двора в наши владения входили: лабиринт из сараев и гаражей за домом, дорога до ближайшего магазина, территория перед школой, двухэтажная деревянная помойка и даже берег реки, куда вела живописная лесная тропа. В общем, мест для игр было хоть отбавляй.

***

На столе лежали вырезанные из газет и журналов глаза. Маленькие и большие, круглые и овальные. Я пытался понять, какие из них лучше всего подойдут нарисованному мной медведю. Маша в это время старалась выхватить у меня новенький коричневый фломастер. Но я ещё не всё закрасил и не отдавал его. Она заплакала и стала жаловаться бабушке, которая, как по волшебству, появилась у меня за спиной. Та посмотрела на наши рисунки, на моего огромного медведя, которому я уже приделал два зелёных глаза, и на её радугу, лишённую коричневой полосы. «Возьми другой фломастер, – сказала бабушка Маше, – медведю коричневый важнее». Я торжествующе посмотрел на свой рисунок, наслаждаясь победой.

Спустя полчаса рисунок резко стал мне безразличен, и я всерьёз начал думать о том, что надо было отдать Маше фломастер. Поднялся на второй этаж, позвонил в дверь, спросил её. Она сегодня не выйдет, сказали мне. Расстроенный, ушёл гулять в одиночестве.

***

Бабушка позвала меня к входной двери. К тебе невеста пришла. Я смущенно вышел из-за угла и увидел Машу. Та вся светилась от счастья, ей не терпелось пойти на улицу, она нашла что-то интересное за магазином, и я срочно должен был это увидеть. Я сказал, мол, да-да, конечно, уже бегу. Она замерла на мгновение и тут внезапно поцеловала меня в щёку. Затем быстро вышла за дверь. Я долго смотрел ей вслед, пытаюсь запомнить момент. Запомнить его оказалось несложно.

Даже когда мы переехали, я часто проводил лето у бабушки. Только тогда я мог видаться с Машей и Глебом, которые остались там. Но затем родители, а их теперь у меня было двое, купили дачу, и лето я начал проводить на ней. Там тоже были ребята, с которыми я дружил, гулял и купался, но никто из них не запомнился мне как-то особенно.

Маша уехала из страны. Куда-то далеко, так, что связь наша оборвалась. Просто однажды я приехал к бабушке, а мне сказали, что Маши нет, и никогда уже не будет. Глеб пропал точно так же. Однако, в отличие от Маши, он довольно скоро вновь объявился в моей жизни.

И вот, когда бабушка умерла, а Маша с Глебом исчезли где-то за границей видимого, место вечного лета стало одним огромным воспоминанием. Я приезжал туда ещё несколько раз, ходил по всем нашим местам, но почти ниче-

го не узнавал. Я смотрел на некогда свой дом и даже заходил в подъезд, но теперь всё мне казалось каким-то незнакомым, чужим. Так вселенная моего детства превратилась в тыкву и опустела.

Я перебрался жить ближе к морю, а значит, ближе к тебе. И так же, как и ты, приходил на его берег. Иногда с книгой, иногда без. С моим младшим братом мы устраивали вылазки на эти огромные гранитные скалы. Кто бы знал тогда, что на противоположном берегу, возможно, именно в тот самый момент, ты начала делать в блокноте свои первые наброски нашего общего моря.

Однако, чтобы в конце концов встретиться с тобой, мне нужно было сбежать из своего города.

***

Я рассказывал тебе о своём детстве. Не всё, но многое. Показывал старые фотографии, где улыбаюсь, стоя в связанном мамой свитере. Смотрел и твои детские снимки, где ты в школе, на пляже, за фортепиано...

Теплота фотографий далёкого прошлого кажется порой неестественной: улыбки чересчур искренние, взгляды пронзительные, жесты возвышенные. Даже там, где я с мамой на берегу реки в смешном разноцветном комбинезоне, даже там, где ты, обхватив колени руками, выглядываешь из-под стола...

Глава 2. Прибой.

– Что за книга?

– Ужасная, депрессивная... – Глеб замялся, так как не мог подобрать нужных слов.

Я подошёл к окну. Внизу, во дворе, какие-то дети пинали пустые бутылки.

– ... местами мерзкая, в руках держать противно...

– Мне даже захотелось почитать, тебе надо начать писать рецензии.

– Нет, правда, кем надо быть, чтобы сочинить такое?

– Но оторваться от неё ты не можешь?

– Не могу...

Глеб аккуратно поместил закладку между страницами и закрыл несчастную книгу. Я обратил внимание на название: «Белый август». Потом он положил её на стол и тоже подошёл к окну.

Дети, наигравшись возле помойки, куда-то убежали. Чуть дальше река уносила на своих волнах несколько катеров с людьми... С пятого этажа открывался неплохой вид на город, вот только что я хотел увидеть?

Глеб, выждав немного, бесшумно вышел из комнаты. На три часа у него было назначено занятие с репетитором по английскому. У меня же день был полностью свободен.

Я уселся на кровать и стал разглядывать стену. Ничего интересного на ней не было: старые, потрёпанные обои. Да я ничего и не искал на ней. Мои мысли были совсем о другом.

До того, как мы с тобой познакомились, я какое-то время жил в общежитии со своим старым другом, Глебом. Он учился на втором курсе, а я только-только поступил на первый. Мы с тобой тогда не общались. До той самой выставки, на которой мы впервые поговорили, оставалось ещё около двух лет. А до смерти Глеба ровно год.

Когда я только сюда приехал, то встретил Глеба в какой-то замызанной подворотне с сигаретой в зубах. Возле его ног виляла хвостом худющая дворняга. Он что-то подсовывал ей под нос, но той словно бы дела до этого не было.

Я подошёл к ним, перешагивая лужи, и пёс, испугавшись, отскочил в сторону, а потом и вовсе дал дёру.

– С каких пор собаки тебя так боятся? – спросил Глеб и выпустил изо рта обильное облако дыма.

Я засунул руки поглубже в карманы и сжал пальцы в кулак. Было прохладно. Моё тонкое пальто почти не грело, но на солнце я этого не замечал, а вот здесь, в тени, прочувствовал сполна.

– И тебе привет.

Он засмеялся, потом хлопнул меня по плечу и сказал:

– Пошли, посмотришь свои новые апартаменты.

Шагал он быстро и легко. Пролетал сквозь потоки людей, как ветер. Я едва поспевал за ним. Через полчаса и десяток поворотов, я уже не понимал, где нахожусь, хотя вчера долго сверялся с картой, чтобы понять, как идти, если Глеб не сможет меня встретить.

Вдруг он остановился.

– Смотри. Ты ведь только с поезда. Может, кофе выпьем?

Я был не против. Мы зашли в кафе, на которое он указал, взяли себе два капучино, а потом сели за свободный столик возле стены, под коллажем из чёрно-белых фотографий. Здесь, в тишине, я почувствовал, наконец, что действительно нахожусь в новом городе. За окном – неизвестные мне дома, множество людей. Да и подобных уютных заведений там, откуда я приехал, не существовало.

– Давай я тебя сфоткаю, отправишь маме, напишешь, что всё у нас нормально, – он направил на меня камеру телефона.

Я поднял стаканчик с кофе повыше и деловито посмотрел в окно. Глеб прыснул со смеху.

– Не на обложку журнала позируешь, лицо-то можно и попроще сделать.

– Фоткай давай, – поторопил я.

В этот момент к нам медленно подошёл какой-то длинноволосый парень со стаканчиком кофе в руках. На пальцах у него были чёрные кольца. С пояса свисала цепь, а поверх рубашки на плечи была накинута кожаная куртка.

– Эй, – как-то вяло и еле слышно сказал он, а потом спро-

сил, — эт он?

— О, Андрюха, привет-привет, да, это он, — радостно сказал Глеб и положил телефон на стол. — Возьми вон стул, садись.

Тот молча подтащил стул, но поставил его на таком расстоянии, что, сидя на нём, едва-едва дотягивался до стаканчика кофе на столе.

— Эндрей, — небрежно сказал он и протянул мне свою растопыренную ладонь.

— Эм... Коля, — представился я и пожал его руку.

— Мы сейчас в комнату, надо заселись парня, — сказал Глеб, — поживём годик вместе.

— Если мы не вылетим... — печально добавил Андрей.

— Да куда нам вылетать, всё ж отлично.

Мы ещё минут пятнадцать посидели в кафе, а потом Глеб отвёл меня в общежитие. После небольшой возни с документами у коменданта, я смог, наконец, вздохнуть с облегчением. Сумку с вещами засунул под свою новую кровать, а сам уселся на стул и в очередной раз оглядел крошечную комнату.

Рядом с кроватью Глеба стоял стеллаж с учебниками, тетрадями, разными романами. На столе лежала пачка сигарет, его очки (видимо, запасные, так как одни уже были у него на носу), ключи, печенье, какие-то чеки, заляпанный блокнот. Стояли две кружки — на одной из них иероглифами было что-то написано. На японском, кажется. Я не был уверен,

потому что с трудом отличал японские иероглифы от китайских или, скажем, корейских.

Занятия начались на следующий день. Перерывы я проводил в компании Глеба. Когда мы шли по улице, возвращаясь в общежитие, он любил громогласно читать стихи Есенина или Рождественского, и на нас часто оборачивались люди. Светофор загорался зелёным, и в такт своим шагам он чеканил: *«Что же такое мы! Веруя в пробуждение! Взяв у земли взаймы! Силу в момент рождения!»*. И так далее. Сам я стихи не читал. Если честно, до того, как я стал жить с Глебом, я даже представить не мог, что когда-то полюблю чтение вслух.

– А давай смотреть всем встречным людям в глаза?

– Ну давай, – говорил я, и мы, как какие-нибудь маньяки смотрели на людей, смущая и, скорее всего, пугая их до тех пор, пока у нас самих не начинала болеть голова от обилия лиц.

Помню, мы стояли на подоконнике в библиотеке университета и протирали окна. Всю нашу группу отправили убираться в библиотеке. Так вот, там, заручившись поддержкой Глеба и выучив наизусть несколько стихотворений, я впервые выступил перед публикой. Однотруппники отложили тряпки и с удивлением слушали, как я без запинки декла-

мирую Есенина, словно сам был Есениным. А потом читаю Маяковского: *«Если звёзды зажигают, значит это кому-нибудь нужно!»*. Все смеялись, и я, раскрасневшийся, смеялся вместе с ними.

– Мы можем путешествовать по всему свету, жить где-нибудь в лесу. Никаких ограничений, свобода – говорил Глеб, сидя на крыше общежития с бутылкой пива в руках.

– Надо идти куда-нибудь на юг, а то зиму мы не протянем.

– Может, в сторону Китая?

Я выбросил окурок в банку и посмотрел вниз на проезжающие машины.

– Я хочу увидеть мир, – он встал и подошёл ко мне. – Ты читал «В дороге»?

Я кивнул.

– Думаешь, автостопом путешествовать не получится?

– Не знаю.

Он сел и раскрыл книгу. Это было чтение на грани безумия. На краю крыши, когда ветер сбивает с ног. Подошвы кроссовок смотрели на асфальт с высоты шестнадцатого этажа, а его спина упиралась в холодные кирпичи какой-то небольшой надстройки. Я осторожно подошел к нему и заглянул через плечо. К сожалению, я не помню, что он читал.

Зато я прекрасно помню, когда написал своё первое стихотворение. Ты спросишь, как я это запомнил? Скорее все-

го, я запомнил это, потому что написал его не в детстве, а когда уже учился в университете, а до того момента я никогда даже не думал писать стихи, и это был для меня новый, необычный опыт.

И ещё, наверное, потому что у этого стихотворения сразу нашёлся читатель.

Кстати, оно сохранилось. Я написал его на листочке, и этот листочек сейчас лежит дома у родителей в тетрадке с моими старыми-старыми рассказами.

Мы сидели в библиотеке, друг напротив друга, за большим столом. Не пошли на пары? Возможно, утверждать не буду. Глеб читал «Научи меня умирать», книгу, которую я прочту много позже (уже после его смерти) в электронном виде, так как в бумажном я не видел её с тех пор никогда.

Мы часто приходили читать в библиотеку. В общежитии было слишком шумно для этого. В тот день я не читал, а сочинял какой-то рассказ. В один момент отвлёкся и тогда-то и написал стихотворение. Хорошо было бы привести отрывок из него здесь, но, как я уже говорил, оно хранится на листочке дома у родителей, а наизусть я его не помню. Да оно мне и не нравится.

Довольный, я отвлёк своего друга от чтения и протянул ему этот самый листочек. Он прочёл стихотворение и сказал в целом что-то положительное, не помню что, но вроде: «Продолжай в том же духе, неплохо получается».

Попытался вспомнить, как звучал его голос, но не смог.

Потом мы вышли из библиотеки в темноту города и растворились где-то на его улицах. Стихи я не писал после этого случая ещё около года.

Глава 3. Рана.

– Ну, значит, с этой минуты не материмся, – засмеялся Глеб.

– Месяц... – протянул я. – Ты ведь домой собрался, как я узнаю, что ты не матерился?

– Так... – раздумывая, он подошёл к чайнику и заглянул внутрь. – Придётся поверить, как и мне тебе.

Он отправился набирать воду, а я потянулся за книгой, которую Глеб мне посоветовал прочитать. Это была книжка «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. На обложке красовалась гордая надпись: «Возможно, самая значимая книга XX века». Я улыбнулся. Чего только не напишут, лишь бы побольше продать.

Глеб вернулся и небрежно бросил:

– Кстати, Маша передавала привет.

Я попытался вспомнить всех Маш, с которыми был знаком.

– Та самая, – добавил Глеб и сел на кровать.

В нашей комнате стояло три кровати, но никого третьего к нам так и не подселили.

– Та самая? – переспросил я.

– Ну из...

– А!

– Ага.

– А как это, откуда? От неё сто лет не было вестей.

– Она как-то связалась с бабушкой, и та дала ей мой номер. Вчера звонила.

– Вчера? И ты только сейчас говоришь?

– Забыл, – пожал плечами Глеб.

– Забыл он...

– Она здесь, в городе, на следующей неделе хочет встретиться, только вот я уже уеду.

– Передам ей от тебя привет... Если не забуду, – сказал я.

В моих воспоминаниях Маша – маленькая смешная девочка с косичкой, у которой от каждого шага тряслись щёки. Встретила же меня высокая стройная девушка с холодным взглядом, но доброй улыбкой. Было бы странно, конечно, если бы она совсем не выросла, но как же сложно отвыкнуть от того образа человека, который так крепко засел в голове.

Оказалось, что она тоже будет жить и учиться в этом городе. Её родители после долгих скитаний наконец-то вернулись в страну и решили окончательно осесть здесь. Я не мог не обрадоваться этой новости. Мы могли бы гулять втроём, как в далёком детстве!

Когда Глеб с Машей пропали из моей жизни, я долгое время надеялся на то, что у меня появятся такие же друзья и на новом месте. Но время шло, а я, кроме как с Лией, ни с кем так и не сошёлся. Я всё больше погружался в книги и

всё сильнее отдалялся от сверстников.

Как жаль, что Глеб не пришёл на встречу, как жаль, что он решил уйти именно тогда. Быть может, если бы они встретились с Машей, он всё ещё был бы жив.

Но тогда мы бы не встретились с тобой.

Вечером, запершись в своей комнате, я лежал в темноте и листал нашу с Глебом переписку. Последнее сообщение, на которое он так и не ответил, мозолило мне глаза. Это был мой отказ уйти вместе с ним: «Я хочу написать книгу, ты же знаешь – это моя мечта».

***

Когда мне сообщили о его смерти, я прогуливался по тёплым июньским улицам. Помню, как сел на поребрик, а мир исчез. Знакомая, с которой я гулял, удивлённо смотрела на меня, а я прижимал трубку к уху и переспрашивал, переспрашивал, переспрашивал. Потом была тишина, я поднялся на ноги, пошёл куда-то. Она молча двинулась за мной. Не помню, где мы ходили, я не видел и не слышал ничего вокруг. Странно, наверное, я ведь обычно такой весёлый. Они все смотрят и не понимают, что со мной. Они ничего не знают. Надо улыбаться, думал я, не время грустить. И я отложил эту грусть. Как глупо было её откладывать.

Моё сердце обросло печалью. Никогда ещё мир не пред-

ставал в моих глазах таким мрачным местом. Я не знал, куда себя деть. Не знаю до сих пор. Время идёт, а я всё несу в себе эту печаль, словно боюсь с ней расстаться. Со временем она стала великой ценностью, частью меня самого.

На похоронах я был сам не свой. С трудом взглянул на него в последний раз. Его мама сторонилась меня, но бабушка приветствовала, как родного внука. Я и был им для неё. Передо мной в гробу лежал самый близкий мне человек. Как описать, что чувствовал я тогда?

Ещё долгое время, я не мог произнести его имя вслух. К горлу каждый раз подкатывал комок. Становилось так больно, словно что-то ломалось внутри.

*Для меня удивительно уже то, что мир продолжает существовать, несмотря на то, что его в нём нет. Он продолжает существовать как ни в чём не бывало и тянет меня всё дальше и дальше от события его смерти, от той самой точки, где заканчивается **наша** история и начинается **моя**, туда, где жизнь поделена надвое.*

Я люблю пересматривать наши совместные фотографии. Как жаль, что их сохранилось так мало. Сможет ли кто-нибудь запечатлеть такую же искреннюю улыбку на моём лице? Смогу ли я без боязни привязываться к людям?

Пора отпустить свою грусть в небо, как бумажный фонарик. Я знаю, что он никогда не погаснет, но хотя бы переста-

нет обжигать.

Глава 4. Прощание.

Погружённый в свои мысли я пересекал невероятные расстояния на подземном поезде, заполненном людьми. В чёрном окне вагона дрожало моё отражение. Ухватившись за прохладный поручень, я, казалось, смотрел на своё лицо, но на самом деле ничего не видел. Мои мысли были далеко, они улетели вперёд быстрее всякого поезда и унесли меня за собой. И как только я, поддавшись им, покинул этот лабиринт, тело моё опустело. Превратилось в хрупкий сосуд, в который я вынужден буду вернуться через пять или шесть остановок.

Перед моими глазами вместо мелькающих стен предстали серо-белые волны и багровые гранитные скалы. Огромные голые деревья подступали к самому берегу моря. Я стоял на скале и смотрел, как морской ветер срывал с них последние листья. А потом этот ветер разобрал на песчинки и унёс к неведомым Эллинским островам меня самого... Но тут же, очевидно, устав, он вернул незваного гостя на землю.

Море содрогнулось. Землетрясение? Я посмотрел на воду и в её черноте вдруг разглядел своё лицо. Море стало запотевшим окном вагона. Поезд прибыл на нужную мне станцию.

Когда двери открылись, и я вышел на платформу, часы показывали девять утра. Я должен был сделать пересадку

и проехать еще одну станцию. В новом поезде людей было меньше, удалось даже две минуты посидеть. И все эти сто двадцать секунд сознание моё металось между миром за закрытыми глазами и реальностью вокруг. Когда же я наконец приехал и поднялся наверх, то сразу заметил Машу, укутанную в красно-коричневый шарф.

Мы сели в электричку. До дома, где жила мама Глеба, нужно было ехать почти час. Я посмотрел на Машу – она не выглядела уставшей, лишь во взгляде её проскальзывало какое-то смутное чувство тревоги. По вагону замелькали тени, и я перевел взгляд на окно. Голоса утонули в шуме поезда, и каждый остался наедине со своими мыслями. Маша достала из сумки какую-то книгу в мягкой обложке и погрузилась в чтение.

Где бы она ни была, всегда находилась книга, способная унести её душу туда, за бумажный занавес, в театр чернильных актёров... Поэтому, когда её неожиданно отрывали от чтения, она не сразу понимала, где находится и кто с ней говорит. Другое дело Глеб, тот мог читать по несколько книг одновременно и при этом совершенно в них не путался! Бросал чтение на середине строки и возвращался к тексту спустя неделю, а то и месяц и безо всяких проблем дочитывал его до конца. Меня это сильно удивляло в своё время... Поезд стал замедлять ход. Маша посмотрела в окно и в её глазах отразились знакомые деревянные дома, над крышами кото-

рых кружились безымянные птицы.

«Я эхом отвечу...» – прошептала она, и звук её голоса вырвал меня из грёз. Маша уже надевала пальто. Она улыбалась. Приехали.

По пути к дому Глеба мы купили целую сумку фруктов и овощей. Открыла нам дверь его мама, маленькая женщина с янтарными глазами. Она жестом пригласила нас войти и провела в комнату Глеба по старой круговой лестнице с вычурными перилами. Там, на втором этаже, мы часто проводили время вместе.

На кухне мы приготовили салат, разложили по тарелкам фрукты. Аромат какого-то праздника разнесся по старому дому. Здесь было тихо и невероятно уютно. «Почти как во сне», – подумал я, усаживаясь за невысоким столиком в комнате. Там же, на столе, стояла наша детская фотография. На ней мы с Глебом и Машей лепили возле деревянного дома огромного снеговика. Глеб держал в руках ветки, а Маша помогала мне взгромоздить наверх последний снежный шар. Глеб смотрел прямо в камеру и улыбался так, как никогда больше не улыбнётся. Куртка на нём была расстёгнута, шапка сдвинута набок, а его светло-серые глаза искрились бенгальским огнём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.